

Она вышла наружу, взяла швабру и спросила:

— Что здесь произошло? Ты пил, что ли? Как можно было разлить всё вокруг?

Цяо Нин опустил голову и пробормотал:

— Прости.

Его голос дрожал, а слезы катились из глаз, падая на кафельный пол и смешиваясь с глюкозой так, что их уже невозможно было различить.

Линь Шаоцзюнь увидел, что тот вышел, и спросил:

— В чем дело?

— Да ни в чем, — Ци Шаокунь бросил на него взгляд. Он слышал, что школьный врач говорил Линь Шаоцзюню, поэтому с усмешкой добавил: — Просто он так рвался поблагодарить меня за то, что я донес его до медпункта, что рыдал и кричал от благодарности. Зрелище было потрясающее, жаль, ты не видел.

Линь Шаоцзюнь приподнял бровь:

— А почему я не слышал, как он плачет?

Ци Шаокунь ответил:

— Я же молодец. Вокруг ведь шли уроки, я побоялся, что он всем помешает, вот и прикрыл ему рот. Не то что ты, который вечно орет на всю улицу.

Линь Шаоцзюнь не сдержал улыбки:

— Хватит тебе...

Увидев, что тот улыбнулся, Ци Шаокунь многозначительным взглядом указал на его наряд: что это за прикид сегодня?

Линь Шаоцзюнь терпеть не мог, когда обсуждали его внешность, будь то похвала или критика. Он ненавидел свое лицо, потому что оно было слишком похоже на отцовское.

Бабушка Линь Шаоцзюня была известной красавицей, и его отец унаследовал половину ее

черт, из-за чего с детства слышал, что похож на прекрасную девушку. Мать же Линь Шаоцзюня была самой обычной женщиной, поэтому внешность сына почти полностью досталась ему от отца.

А отец их бросил.

Линь Шаоцзюнь скривил губы:

— Это всё Ли Ванвань, настояла, чтобы я участвовал в номере.

Ци Шаокунь удивился еще больше. Женское платье было для Линь Шаоцзюня больной темой, неужели Ли Ванвань смогла его заставить?

К тому же, принца там играл Ван Чжиси, и Линь Шаоцзюнь даже не возразил?

Ци Шаокунь пришел к окончательному выводу: Линь Шаоцзюнь определенно влюблен в Ли Ванвань. Впрочем, староста была довольно симпатичной, так что ничего странного в этом не было.

Он похлопал Линь Шаоцзюня по плечу, молча желая ему удачи.

Когда они вернулись, Ци Шаокунь принялся хлопотать по хозяйству, а Линь Шаоцзюнь остался репетировать. Вскоре наступил вечер.

Зал был полон. Школа серьезно относилась к подобным мероприятиям, поэтому даже для выпускных классов сделали исключение.

Программа была насыщенной: песни, танцы, но Ци Шаокунь запомнил лишь одну смешную сценку да горячий корейский танец в исполнении группы девушек.

Вскоре настала очередь Цяо Нина.

В темноте кто-то выкатил на сцену пианино и стул. По идее, это должен был сделать Ци Шаокунь, но он не пошел.

Цяо Нин играл Небесный замок. Свет прожекторов упал на него, освещая пианиста и инструмент.

Цяо Нин, одетый во фрак, сидел неподвижно. Ци Шаокунь видел только его профиль. У Цяо Нина была своеобразная аура — тихая и немного меланхоличная.

Глядя на него, сидящего за пианино, Ци Шаокунь почувствовал, как это ощущение лишь усилилось.

Цяо Нин слегка поднял руки. Это был очень красивый жест. Его длинные белые пальцы, сверкающие в свете ламп, казалось, порхали над клавишами, и чарующая мелодия затанцевала под его руками.

Ци Шаокунь, который до этого относился к нему с пренебрежением, слегка нахмурился.

...А ведь неплохо звучит.

В зале поднялся шум, раздались изумленные возгласы, но тут же стихли, словно зрители боялись спугнуть того, кто был на сцене.

Ци Шаокунь язвительно усмехнулся: удивляетесь?

Если бы вы знали, что эти прекрасные пальцы, играющие сейчас на пианино, любят вытворять с его собственным телом, вы бы три дня рты от шока закрыть не смогли!

<http://bllate.org/book/20507/2044261>